УДК 347.468

О ФИДУЦИАРНОСТИ ОТНОШЕНИЙ ПОКРЫТИЯ В ПОРУЧИТЕЛЬСТВЕ, ИЛИ О ВЛИЯНИИ ПЕРЕМЕНЫ ЛИЦ НА СТОРОНЕ ДОЛЖНИКА НА СУДЬБУ ПОРУЧИТЕЛЬСТВА

Егор С. Трезубов[1, @]

[1] *Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@] *egortrezubov@mail.ru*

Поступила в редакцию 12.02.2018. Принята к печати 13.03.2018.

Ключевые слова: поручительство, отношения покрытия, фидуциарный характер, прекращение поручительства, перевод долга, судьба поручительства в случае смерти должника, последствия отпадения отношений покрытия.

Аннотация: В современной литературе отсутствует единство мнений относительно того, какие обязательственные правоотношения следует квалифицировать как фидуциарные, но самое главное, отсутствует и единство подходов к значению самой категории фидуциарности, поскольку в отсутствие четкого представления о правовых последствиях изменения уровня доверия в гражданском правоотношении становится неясным смысл выделения такой характеристики. В рамках настоящей работы анализируется правовая судьба поручительства при изменении фигуры должника в обеспеченном обязательстве. В свете реформы гражданского законодательства в 2015 г. выработаны новые подходы, демонстрирующие условную «независимость» поручительства в вопросах прекращения поручительства. Между тем даже в актуальной редакции норм § 5 главы 23 Гражданского кодекса РФ сохранены правила, продиктованные связью личности поручителя и должника. В настоящей статье дается анализ отношениям покрытия, и делается вывод об их фидуциарном характере, о возможном влиянии изменения фигуры должника на судьбу поручительства.

Для цитирования: Трезубов Е. С. О фидуциарности отношений покрытия в поручительстве, или о влиянии перемены лиц на стороне должника на судьбу поручительства // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1. С. 74–81.

Выбор кандидатуры поручителя и вероятность получить его согласие отвечать в случае неисправности должника является следствием отношений внутренней приязни и доверия таких субъектов. Коль скоро профессиональное поручительство в России все еще не так распространено, основными мотивами выдачи поручительства являются корпоративные, родственные и иные не имеющие безусловного правового значения отношения. Такое положение дел неизбежно заставляет задуматься о возможности применения к правоотношениям по выдаче поручительства характеристики «фидуциарные» [1, с. 65]. В литературе обоснованно обращается внимание, что фидуциарными являются не отношения поручительства, возникающие между поручителем и кредитором, а именно отношения между поручителем и должником. В доктрине отношения, возникающие между должником и поручителем, побуждающие одного обеспечить обязательство другого, именуются отношениями покрытия [2, с. 28–32]. В п. 5 и п. 6 Постановления Пленума ВАС РФ№ 42 от 12.07.2012 отмечено, что договор поручительства может быть заключен без согласия или уведомления должника; названное обстоятельство не влияет на действительность договора поручительства, но при этом необходимо учитывать запрет согласованных действий кредитора и поручителя во вред интересам должника [3]. Тем самым Пленум ВАС РФ также исходит из общей идеи выбора кандидатуры поручителя именно должником в обеспеченном обязательстве, между этими лицами должны быть отношения, объясняющие экономическую цель выдачи обеспечения [4, с. 80].

Принимая за отправную точку тезис о возможном лично-доверительном характере отношений покрытия, необходимо оценить его влияние на само поручительство. Несмотря на наличие в последние годы защищенных диссертаций [5] и опубликованных монографий [6], специально посвященных свойству фидуциарности, единство мнений о её содержании в отечественной доктрине отсутствует. Применительно к поручительству практически все рассуждения о доверительном характере таких отношений сводятся к рассуждениям о судьбе обеспечительного обязательства в результате смены фигуры дебитора, в том числе в случае смерти должника-гражданина.

Свойство фидуциарности не может быть отождествлено с категорией доверия, поскольку суть любого обязательственного отношения кроется в имманентной непрочности этих отношений. В. В. Ровный справедливо отмечает, что сам факт применения в обязательственных правоотношениях обеспечительных конструкций, призванных укрепить основное обязательство, является следствием недостаточной веры кредитора в добросовестность и исполнительность должника [7, с. 39–41]. В таких отношениях обеспечение призвано усилить доверие управомоченного лица в возможность защиты своих прав. Но фидуциарный характер обязательственного правоотношения сегодня является той категорией, которая хотя и не предусмо-

трена легально, но ее влияние на гражданские правоотношения столь велико, что на практике неизбежно приходится считаться с тем «доверием к личности», которое лежит в основе обязательства.

Доверительными (фидуциарными) можно называть такие правоотношения, в которых доверие одного участника к другому либо взаимное доверие участников являются мотивом возникновения, существования или прекращения правоотношений [8, с. 96]. Отмечается, что для таких правоотношений характерно использование, с одной стороны, оценочных категорий разумности, добросовестности, заботливости, осмотрительности, а с другой стороны, сверх императивных норм, продиктованных этим доверием и поддерживающих его [9, с. 242].

Разграничивая категории веры в добросовестное поведение контрагента (фактически доверительное отношение, как указано выше, присущее сквозь принцип добросовестности любому гражданскому правоотношению) и лично-доверительного характера, присущего исключительно фидуциарным сделкам, Л. Ю. Михеева особо подчеркивает, что правовое значение доверия сторон имеет место лишь в тех сделках, участники которых вправе расторгнуть отношения в одностороннем порядке без объяснения причин (в связи с «утратой доверия»), не возмещая при этом другой стороне убытки [10].

В. А. Сырбо указывает, что конкретные правовые нормы, регламентирующие отношения, основанные на доверии, могут не соответствовать правовой модели внешнего проявления правоотношений, но при этом они учитывают основу отношений – их внутреннее содержание – и расцениваются как обоснованные исключения-дополнения устоявшихся правил в силу их прямого закрепления законом [8, с. 96]. Иными словами, один из участников фидуциарных отношений, проявляя доверие к другому, предоставляет большие внешние правомочия, чем это вытекает из сущности внутренних правоотношений между сторонами этой сделки [11, с. 93]. В случае с обеспечением обязательств именно фидуциарный характер внутренних отношений побуждает должника (или в случае с личным способом обеспечения иного лица) передать кредитору больше прав, чем было бы необходимо для реального обеспечения своего денежного обязательства [12, с. 3–10].

В отечественной литературе, как правило, выделяют следующие признаки фидуциарных правоотношений: личный доверительный характер, возможность одностороннего прекращения правоотношений, личное исполнение принятых на себя обязанностей и невозможность правопреемства. Не может характеризовать фидуциарность исключительно безвозмездный характер отношений. Добросовестное поведение в интересах доверителя является содержанием любого фидуциарного отношения, а проявление вовне внутренних фидуциарных отношений в негласных доверительных отношениях имеет существенные особенности по сравнению с гласными доверительными отношениями [13, с. 20–25]. Таким образом, в фидуциарных отношениях стороны, веря в личностные качества друг друга, предоставляют прав и обязанностей намного больше, чем в нормальной ситуации.

В целом, как отечественные цивилисты, так и зарубежные, не сходятся во мнении о том, что из себя представляет фидуциарное обязательство. В. В. Ровный, исследуя данную проблему, пришел к выводу, что для немецких авторов характерно под фидуциарностью понимать эффект «расщепления» правоотношения на внутреннюю и внешнюю части, не совпадающие друг с другом по объему полномочий и их регламентации (внешнее выражение прав и обязанностей фидуциария, действующего в интересах фидуцианта значительно богаче обычно согласовываемого содержания обязательства). Для французских ученых не характерно применение категории фидуциарных отношений, чаще встречается характеристика – «договор, тесно связанный с личностью контрагента», о вере личности стороны обязательства отмечают также японские и британские ученые. В итоге своего исследования профессор В. В. Ровный приводит обоснованное заключение: термин «фидуциарный» сегодня является скорее доктринальным, чем легальным, а его содержание зависит от взглядов соответствующего исследователя [14, с. 61–68].

Тем не менее отрицать личностные мотивы выдачи поручительства гражданином на безвозмездной основе было бы неправильно, тем более что в действующей редакции Гражданского кодекса предусмотрены отдельные правила прекращения поручительства в случае правопреемства на стороне должника. О. П. Печеный отмечает, что в основе возникновения поручительства, особенно если поручителем выступает физическое лицо, лежит *фидуциарный* характер отношений между поручителем и должником. Поэтому именно лично-доверительный характер данных отношений и обуславливает прекращение поручительства [15, с. 26–30] в случае отсутствия явно выраженного согласия отвечать за нового должника при переходе долга к иному лицу. О. С. Гринь, характеризуя отношения между поручителем и должником как фидуциарные [1, с. 58–65], указывает, что именно наличие личных доверительных отношений часто является той причиной, по которой поручитель принимает на себя дополнительный экономический риск [16, с. 117]. Также цитируемым автором отмечается, что в качестве фидуациарных следует рассматривать лишь отношения, в которых предоставление обеспечения не связано с осуществлением поручителем предпринимательской деятельности [16, с. 118–119; 17], а в их основе лежат исключительно мотивы личной приязни. Впрочем, в цивилистической литературе встречаются и утверждения о нефидуациарном характере отношений между поручителем и должником [18; 19, с. 26–29].

Любое отпадение отношений покрытия не может влиять на судьбу поручительства и прекращать его [4, с. 83–84], в том числе не может само по себе быть основанием прекращения обеспечительного отношения отпадение общих экономических интересов должника и поручителя [3, п. 9]. В рамках реформы гражданского законодательства в 2015 г. нормы о по-

ручительстве, в том числе связанные с прекращением обеспечительного обязательства, были изменены. Согласно п. 3 ст. 367 ГК РФ поручительство прекращается с переводом на другое лицо долга по обеспеченному поручительством обязательству, если поручитель в разумный срок после направления ему уведомления о переводе долга не согласился отвечать за нового должника. Согласие поручителя отвечать за нового должника должно быть явно выраженным и должно позволять установить круг лиц, при переводе долга на которых поручительство сохраняет силу. Таким образом, сегодня де-юре запрещено заранее данное согласие поручителя отвечать за любого нового должника [20, с. 15–19], что может быть обосновано связью личностей должника и поручителя, показывает значимость их внутренних отношений. Однако при анализе судебной практики по вопросу прекращения поручительства в силу п. 3 ст. 367 ГК РФ можно прийти к выводу, что до сих пор суды применят разъяснения, содержащиеся в п. 9 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 20.01.1998 № 28 [21], и оценивают согласие поручителя отвечать «за любого нового должника» как не противоречащее принципу свободы договора и формально позволяющее установить круг лиц, при переводе долга на которых поручительство сохраняет силу.

Вторым основанием прекращения поручительства, которое демонстрировало личностную связь обеспечения, была смерть должника. Чрезвычайно активно на страницах печати развивалась дискуссия о необходимости прекращения поручительства смертью должника, поскольку специальное правило, точнее исключение из общего, в Гражданском кодексе отсутствовало.

Сегодня согласно п. 4 ст. 367 ГК РФ в редакции Федерального закона от 08.03.2015 № 42-ФЗ смерть должника, реорганизация юридического лица-должника не прекращают поручительство. А в силу п. 3 ст. 364 ГК РФ в случае смерти должника поручитель по этому обязательству не может ссылаться на ограниченную ответственность наследников должника по долгам наследодателя (п. 1 ст. 1175 ГК РФ).

Эти правила исключили применение разъяснений, содержащихся в ответе на вопрос № 1 Обзора законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за первый квартал 2008 г. [22] и в п. 62 Постановления Пленума ВС РФ от 29.05.2012 № 9, согласно которым исходя из п. 1 ст. 367 и п. 1 ст. 416 ГК РФ (прекращение обязательства невозможностью исполнения) поручительство прекращается в той части, в которой прекращается обеспеченное им обязательство, и поручитель несет ответственность по долгам наследодателя перед кредитором в пределах стоимости наследственного имущества. При этом поручитель наследодателя становится поручителем наследника лишь в случае, если он дал согласие отвечать за неисполнение обязательств наследниками [23]. (Аналогичные подходы были восприняты и в практике Судебной коллегии ВС РФ по гражданским делам при разрешении споров из правоотношений, возникших до 01.06.2015. См. например: Определение Верховного Суда РФ от 18.11.2014 по делу № 32-КГ14-12). В то же время актуальная редакция ст. 364 и 367 ГК РФ полностью соответствует подходу, предложенному Пленумом ВАС РФ в п. 20 Постановления от 12.07.2012 № 42 о недопустимости по общему правилу прекращения поручительства смертью должника и о неограниченности объема ответственности поручителя стоимостью наследственной массы.

Следовательно, все споры об изменении объема ответственности поручителя и прекращении самого обеспечительного обязательства смертью должника сведены на нет законодателем. Впрочем, такое решение дает дополнительное основание усомниться не только в фидуциарном характере отношений покрытия, но и в акцессорности поручительства.

В вопросах наследственного преемства и сохранении поручительства четко прослеживается специфика отношений поручительства как личного способа обеспечения обязательства, выполняющего гарантирующую функцию, т. е. связанного с предоставлением кредитору дополнительных имущественных гарантий по получению заранее согласованной компенсации. Еще в 2008 г. Л. А. Новоселова отмечала, что универсальная природа правопреемства в наследовании не позволяет сделать вывод о прекращении обеспеченного обязательства, потому как во всех случаях, кроме специально предусмотренных в законе или неразрывно связанных с личностью умершего, обязательства должника переходят к его наследникам. Исходя из принципа неизменности при универсальном правопреемстве кредитор умершего должника имеет дело с той же имущественной массой, которая служила обеспечением его требований до смерти. С этой точки зрения имущественное обеспечение (активы должника) остается прежним, меняется лишь лицо, представляющее это имущество, в связи с чем положение поручителя, исполнившего или обязанного исполнить обязательство, как отмечает Л. А. Новоселова, не меняется в случае смерти последнего. Поручитель, осуществляя свои права на возмещение понесенных при исполнении обязательства расходов, будет иметь дело с тем же имуществом (как единым целым), за счет которого могли быть удовлетворены его требования к умершему [24, с. 179–184].

Факт существования такого основания для прекращения поручительства, как смерть должника, объяснялся именно фидуциарным характером отношений, лежащих в основе выдачи поручительства, что позволяло транслировать внутреннюю сторону отношений «должник-поручитель» вовне. Между тем изменения в этой части в рамках реформы гражданского законодательства продиктованы, полагаем, стремлением выработать прокредиторские позиции и защитить слабую сторону обеспеченных отношений – кредитора. Такое обоснование успешно применимо и к случаям несогласованного увеличения объема ответственности должника, что приводит к сохранению поручительства на прежних условиях, а до реформы 2015 г. было причиной прекращения поручительства.

По смыслу действующего правового регулирования поручительство рассматривается как способ обе-

спечения обязательства, посредством которого третье лицо предоставляет кредитору эквивалент исполнения, причем по общему правилу – в денежной форме, и пороки отношений покрытия в части оценки рисков платежеспособности или тем более вероятности смерти должника, заблуждения относительно мотивов предоставления обеспечения не могут влиять на судьбу поручительства. В этой связи логика, представленная Л. А. Новоселовой, об упрощении существа обеспечительного обязательства поручительства до денежного исполнения вполне справедлива.

Однако правило о неограниченном (размером наследственной массы) объеме ответственности поручителя по обязательству умершего должника не может быть признано безусловно обоснованным, поскольку в этой ситуации произойдет *смешение поручительства и независимой гарантии*. Кроме того, в силу п. 2 ст. 363 ГК РФ поручитель отвечает перед кредитором в том же объеме, что и должник. Фактически при универсальном правопреемстве наследники должника сами становятся должниками в обеспеченном обязательстве, но в силу п. 1 ст. 1175 ГК РФ, на который исходя из п. 4 ст. 364 ГК РФ не может ссылаться поручитель, каждый из наследников отвечает по долгам наследодателя в пределах стоимости перешедшего к нему наследственного имущества. Следовательно, в этой ситуации объем ответственности поручителя и должников-наследников не одинаков.

И хотя поручитель исполняет свое обязательство, он утрачивает право обратного требования к наследникам сверх стоимости наследственной массы, а в ряде случаев удовлетворение иска поручителя вовсе будет невозможно, поскольку при обращении взыскания на наследственную массу не установлена какая-либо жесткая очередность. Наследники будут удовлетворять требования кредиторов «в порядке живой очереди», пока стоимость наследуемого имущества не будет исчерпана. Неубедительны и аргументы, основанные на тех обстоятельствах, что на день смерти у наследодателя (условно – на день предъявления кредитором требования) стоимость имущества статична, не убедителен, поскольку имущественное состояние гражданина – явление динамичное, оно может как прирастать в процессе жизни лица и в период исполнительного производства, так и сократиться до отрицательных значений. Безусловно, поручитель в такой ситуации находится в заметно менее выгодном положении, чем наследник должника.

В случае закрепления в законе идеи справедливого объема ответственности поручителя, ограниченного стоимостью наследственной массы, можно себе представить следующую ситуацию. Поскольку поручитель по общему правилу отвечает с должником (его наследниками) солидарно, что позволяет кредитору предъявить иск к любому из ответчиков, предположим, что кредитором предъявлено требование только к поручителю о взыскании всей суммы долга. Ответчик, не осведомленный о стоимости наследственной массы, лишен возможности доказать ограничение размера ответственности наследников, если сами наследники не принимают активное участие в деле. В России нет единого реестра имущества (кроме отдельных его категорий), не все вещные права подлежат регистрации, а значит шансы установить при рассмотрении дела судом стоимость наследственной массы стремятся к нолю. Таким образом, не доказав ограниченность своей ответственности (если бы правила п. 4 ст. 364 ГК РФ не было), поручитель исполнит требования кредитора в полном объеме и после этого в порядке суброгации обратится с иском к наследникам должника, которые непременно со ссылкой на п. 1 ст. 1175 ГК РФ добьются отказа в удовлетворении иска в части сверх стоимости оставшейся наследственной массы. Очевидно, что в описанной ситуации поручитель, который не может отвечать больше, чем должник, будет вынужден предъявить кондикционный иск к первоначальному кредитору и взыскивать с него уплаченное сверх стоимости наследства. Итак, из простого дела о взыскании долга с поручителя мы получаем три дела и способствуем еще большей загрузке судебной системы. Дабы не приумножать сущности, в Гражданский кодекс была включена столь неизящная и ограничивающая акцессорность поручительства норма. Подобных проблем можно было бы избежать в случае установления исключительно субсидиарной формы ответственности поручителя, но такой алгоритм взыскания не удобен применительно к совершению действий по принудительному исполнению, не направлен на защиту прав кредитора, а значит не будет воспринят в практике пока допускается солидарная форма ответственности.

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод о наличии легальных условий признания отношений покрытия в поручительстве фидуциарными, поскольку прослеживается связь между правовой судьбой поручительства и переменой лиц на стороне должника (в случае сингулярного правопреемства). Данный вывод актуален для ситуации предоставления поручительства на безвозмездной основе. Что касается предоставления поручительства на возмездной основе субъектом предпринимательской деятельности, склонны полагать, что такое действие ничем принципиальным не отличается от института независимой гарантии. Независимость последнего способа обеспечения, выражающаяся в исполнении гарантом требования бенефициара при представлении им требования с приложением определенных документов (ст. 374 ГК РФ) и невозможности гаранта выдвигать против требования бенефициара возражения (п. 2 ст. 370 ГК РФ), едва ли является достаточной для одновременного существования профессионального поручительства на возмездной основе и независимой гарантии.

Несмотря на отсутствие единства подходов, утверждения о фидуциарном характере гражданского правоотношения имеют смысл в ситуации, когда лично-доверительным отношениям контрагентов на легальном уровне (или по крайней мере на уровне актов официального толкования актов высших судебных органов) придается правовое значение. Наиболее ярко связь с личностью правоотношения можно проследить в возможности одностороннего отказа от ис-

полнения обязательства и прекращения обязательства в связи с заменой контрагента. В этой связи крайне интересна позиция, занятая Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ в определении от 05.12.2017 № 9-КГ17-14 (см. Определение Верховного Суда РФ от 15.05.2017 № 308-ЭС16-19725 по делу № А63-15604/2015). Оценив правомерность прекращения обеспечительного обязательства по причине наступления согласованного в договоре поручительства условия – увольнения поручителя с должности руководителя компании-должника, суд второй кассационной инстанции, возвращая дело на новое рассмотрение, потребовал указать закон, которым прямо предусмотрена возможность включения в договор условия об одностороннем отказе поручителя от исполнения своих обязательств. Логика, изложенная в тексте определения, не может быть признана правильной, поскольку в свете уже описанного в статье реформирования гражданского законодательства в 2015 г. в Гражданском кодексе РФ нашла легальное закрепление возможность включения в соглашения потестативных условий (ст. 327.1 ГК РФ), в связи с чем кредитор и поручитель могли согласовать в качестве основания прекращения поручительства увольнение лица, предоставившего обеспечение. Такое положение договора в ситуации банковского кредитования не может ущемлять права кредитора, в абсолютном большинстве случаев имеющего сильную переговорную позицию и самостоятельно формирующего порядок и условия предоставления потребителю кредитного продукта. И в описанной ситуации единственное, что следует оценить суду, – произошло ли расторжение трудового договора по обстоятельствам, не зависящим от работника, или была ли воля работника направлена на расторжение трудового договора и в этом случае признать в силу п. 3 ст. 157 ГК РФ отменительное условие не наступившим. Не вдаваясь больше в рассуждения о поиске социальной справедливости, предпринятой Верховным Судом в ситуации отзыва у банка лицензии в указанном деле, обратим внимание, что лично-доверительный характер отношений покрытия может и должен влиять на судьбу поручительства, а норма ст. 367 ГК РФ не может восприниматься как содержащая предусмотренный исчерпывающим образом перечень оснований. В силу принципа свободы договора (ст. 421 ГК РФ) кредитор и поручитель вправе предусмотреть отменительные условия, прекращающие поручительство, связанные с переменой лиц на стороне должника или утратой доверия или контроля за должником, например, расторжение брака между ним и поручителем, смерть дебитора, утрата его профессионального статуса (как субъекта предпринимательской деятельности, лица, занимающего определенную должность и т. д.) и др.

Не являясь сторонником концепции «осложненного обязательства», автор данной статьи склонен рассматривать поручительство как зависимое от основного обеспечительное обязательство, реализуемое между кредитором и поручителем, но имеющее своей целью гарантировать кредитору удовлетворение его имущественных интересов в случае неисправности должника. В таком простом правоотношении утверждать о возможной связи поручителя и должника не приходится. Мотивы выдачи поручительства лежат в плоскости отношений покрытия, именно в них кроются причины вступления поручителя в обеспечительное обязательство. И со всей степенью уверенности можно утверждать, что эти мотивы не связаны с фигурой кредитора. В абсолютном большинстве случаев поручитель взвешивает финансовые риски собственной ответственности, т. е. оценивает платежеспособность должника, или надеется на исправность последнего. Как раз эта сторона отношений может быть охарактеризована как связанная с личностью и способная влиять на отношения поручительства в случае сингулярного правопреемства на стороне должника или если это прямо предусмотрено договором поручительства.

Литература

1. Гринь О. С. Нормы о поручительстве в проекте новой редакции Гражданского Кодекса РФ // Закон. 2013. № 3. С. 58–65.

2. Белов В. А. Теоретические проблемы учения о способах обеспечения исполнения обязательств // Законы России: опыт, анализ, практика. 2006. № 12. С. 28–32.

3. Постановление Пленума ВАС РФ от 12.07.2012 № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством» // Экономика и жизнь. 2012. № 4.

4. Бевзенко Р. С. Новеллы судебной практики в сфере поручительства. Комментарий к Постановлению Пленума ВАС РФ от 12 июля 2012 г. № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 1. С. 74–85.

5. Сырбо В. А. Отечественный и зарубежный опыт гражданско-правового регулирования фидуциарных отношений: история и современность: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 216 с.

6. Колиева А. Э. Институт доверительных отношений по гражданскому законодательству РФ. Владикавказ, 2015. 112 с.

7. Ровный В. В. Заметки о фидуциарном договоре. Fiducia в римском праве // Сибирский юридический вестник. 2015. № 2. С. 39–51.

8. Сырбо В. А. К вопросу о фидуциарном (доверительном) характере гражданских правоотношений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 8. С. 94–96.

9. Буркова Л. Н. К вопросу о фидуциарном (доверительном) характере гражданских правоотношений // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. № 2. С. 237–243.

10. Михеева Л. Ю. Доверительное управление имуществом. Комментарий законодательства // Консультант Плюс. 2001.

11. Колиева А. Э., Газзаева М. Т. Фидуциарность в институтах гражданского права // Проблемы, перспективы и направления инновационного развития науки: сборник статей Международной научно-практической конференции (20 марта 2016 г., г. Курган). В 3-х ч. Уфа: АЭТЕРНА, 2016. Ч. 3. С. 91–95.

12. Усманова Е. Р. Титульное обеспечение гражданско-правовых обязательств: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2017. 22 с.

13. Богданов Е. В., Богданова Е. Е., Богданов Д. Е. Проблема фидуциарности и фидуциарных сделок в гражданском праве России // Гражданское право. 2017. № 3. С. 20–25.

14. Ровный В. В. Заметки о фидуциарном договоре. Идея фидуциарного договора в позднем праве (праве новых народов) // Сибирский юридический вестник. 2016. № 1. С. 59–72.

15. Печеный О. П. Некоторые вопросы правопреемства по договору поручительства: наследственно-правовой аспект // Нотариус. 2014. № 8. С. 26–30.

16. Гринь О. С. К вопросу о формах отношений между должником по основному обязательству и поручителем // Актуальные вопросы Российского права. 2011. № 3. С. 109–120.

17. Тарасенко Ю. Смерть должника как основание прекращения поручительства // Корпоративный юрист. 2006. № 5.

18. Бевзенко Р. С. О влиянии смерти должника на юридическую силу поручительства // Корпоративный юрист. 2006. № 5.

19. Бевзенко Р. С. Смерть должника и отношения поручительства: продолжение дискуссии // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. 2008. № 11. С. 26–39.

20. Гринь О. С. Поручительство: новое в законодательном регулировании и правоприменении // Судья. 2016. № 9. С. 15–19.

21. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 20.01.1998 № 28 «Обзор практики разрешения споров, связанных с применением арбитражными судами норм Гражданского кодекса Российской Федерации о поручительстве» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 1998. № 3.

22. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2008 года (утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 28.05.2008) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 8.

23. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 7.

24. Новоселова Л. А. Комментарий к информационному письму Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 20.01.1998 № 28 // Практика рассмотрения коммерческих споров / под ред. Л. А. Новоселовой, М. А. Рожковой. М., 2008. Вып. 3. С. 179–184.

FIDUCIARY OF THE COVERAGE RELATIONSHIP IN SURETY, OR THE SUBSTITUTION OF PARTIES ON THE DEBTOR'S SIDE AND ITS INFLUENCE ON THE SURETY PROCEDURE

Egor S. Trezubov[1, @]

[1] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@] *egortrezubov@mail.ru*

Received 12.02.2018. Accepted 13.03.2018.

Keywords: surety, coverage relations, fiduciary, termination of suretyship, transfer of duty, the fate of surety in the case of the principal's death, the consequences of the coverage relationship termination.

Abstract: In the modern literature there is no unity of opinion as to which legal relations should be qualified as fiduciary, but most importantly, there is no unity of approaches to the importance of the category of fiduciary. Since there is no clear idea of the legal consequences of changing the level of trust in a civil legal relationship, it becomes unclear what is the significance of the whole concept of fiduciary. The paper features the legal procedure of surety, in particular, such cases when the principal's figure changes in the surety. In the light of the civil law reform of 2015, new approaches have been developed that demonstrate the conditional «independence» of the surety in the matter of termination of the surety. Meanwhile, even in the current version of the provisions of § 5, Chapter 23 of the Civil Code of the Russian Federation, rules are maintained, dictated by the relationship between the identity of the guarantor and the principal.

For citation: Trezubov E. S. O fidutsiarnosti otnoshenii pokrytiia v poruchitelstve, ili o vliianii peremeny lits na storone dolzhnika na sud'bu poruchitelstva [Fiduciary of the Coverage Relationship in Surety, or the Substitution of Parties on the Debtor's Side and its Influence on the Surety Procedure]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 1 (2018): 74–81.

References

1. Grin' O. S. Normy o poruchitel'stve v proekte novoi redaktsii Grazhdanskogo Kodeksa RF [The rules on suretyship in the new draft of the Civil Code of the Russian Federation]. *Zakon = The Law*, no. 3 (2013): 58–65.

2. Belov V. A. Teoreticheskie problemy ucheniia o sposobakh obespecheniia ispolneniia obiazatel'stv [Theoretical problems of the doctrine of ways to ensure the fulfillment of obligations]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = The laws of Russia: experience, analysis, practice,* no. 12 (2006): 28–32.

3. Postanovlenie Plenuma VAS RF ot 12.07.2012 № 42 «O nekotorykh voprosakh razresheniia sporov, sviazannykh s poruchitel'stvom» [Decision of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 12.07.2012 No. 42 «On some issues of resolving disputes related to sureties»]. *Ekonomika i zhizn' = Economics and Life,* no. 4 (2012).

4. Bevzenko R. S. Novelly sudebnoi praktiki v sfere poruchitel'stva. Kommentarii k Postanovleniiu Plenuma VAS RF ot 12 iiulia 2012 g. № 42 «O nekotorykh voprosakh razresheniia sporov, sviazannykh s poruchitel'stvom» [Novels of judicial practice in the sphere of surety. Commentary for Decision of the Plenum SAC RF from July 12, 2012 No. 42 "On some questions resolution of disputes related to the guarantee"]. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*, no. 1 (2013): 74–85.

5. Syrbo V. A. *Otechestvennyi i zarubezhnyi opyt grazhdansko-pravovogo regulirovaniia fidutsiarnykh otnoshenii: istoriia i sovremennost'.* Diss. kand. iurid. nauk [Domestic and foreign experience of civil-law regulation of fiduciary relations: history and modernity. Cand. jurispr. Sci. Diss.]. Moscow, 2008, 216.

6. Kolieva A. E. *Institut doveritel'nykh otnoshenii po grazhdanskomu zakonodatel'stvu RF* [Institute trusting relationship in civil legislation of the Russian Federation]. Vladikavkaz, 2015, 112.

7. Rovnyi V. V. Zametki o fidutsiarnom dogovore. Fiducia v rimskom prave [The notes of fiduciary contract. Fiducia in Roman law]. *Sibirskii iuridicheskii vestnik = Siberian Law Herald*, no. 2 (2015): 39–51.

8. Syrbo V. A. K voprosu o fidutsiarnom (doveritel'nom) kharaktere grazhdanskikh pravootnoshenii [The issue of fiduciary (trust) the nature of the civil law relations]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = The laws of Russia: experience, analysis, practice*, no. 8 (2007): 94–96.

9. Burkova L. N. K voprosu o fidutsiarnom (doveritel'nom) kharaktere grazhdanskikh pravootnoshenii [On the issue of fiduciary (trust) the nature of the civil law relations]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 1: Regionovedenie: filosofiia, istoriia, sotsiologiia, iurisprudentsiia, politologiia, kul'turologiia = Bulletin of Adyghe State University. Series 1: Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, culturology*, no. 2 (2011): 237–243.

10. Mikheeva L. Iu. *Doveritel'noe upravlenie imushchestvom. Kommentarii zakonodatel'stva* [Trust management of property. Legislation comments]. 2001.

11. Kolieva A. E., Gazzaeva M. T. Fidutsiarnost' v institutakh grazhdanskogo prava [Fiduciary in civil law institutions]. *Problemy, perspektivy i napravleniia innovatsionnogo razvitiia nauki: sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (20 marta 2016 g., g. Kurgan)* [Problems, perspectives and directions of innovative development of science: Proc. Intern. Sc.-Prac. Conf. (March 20, 2016, the city of Kurgan)]. Ufa: AETERNA, part 3 (2016): 91–95.

12. Usmanova E. R. *Titul'noe obespechenie grazhdansko-pravovykh obiazatel'stv.* Avtoref. diss. kand. iurid. nauk. [Title providing civil liabilities. Cand. jurispr. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2017, 22.

13. Bogdanov E. V., Bogdanova E. E., Bogdanov D. E. Problema fidutsiarnosti i fidutsiarnykh sdelok v grazhdanskom prave Rossii [Issue of Fiduciary and Fiduciary Transactions in Russian Civil Law]. *Grazhdanskoe pravo = Civil law,* no. 3 (2017): 20–25.

14. Rovnyi V. V. Zametki o fidutsiarnom dogovore. Ideia fidutsiarnogo dogovora v pozdnem prave (prave novykh narodov) [Notes about fiduciary contract. The idea of fiduciary contract in the late law (law of New People)]. *Sibirskii iuridicheskii vestnik = Siberian Law Herald*, no. 1 (2016): 59–72.

15. Pechenyi O. P. Nekotorye voprosy pravopreemstva po dogovoru poruchitel'stva: nasledstvenno-pravovoi aspekt [Some issues of legal succession under the contract of suretyship: inheritance-law aspect]. *Notarius = Notary*, no. 8 (2014): 26–30.

16. Grin' O. S. K voprosu o formakh otnoshenii mezhdu dolzhnikom po osnovnomu obiazatel'stvu i poruchitelem [To the question of the forms of relations between the debtor on the principal obligation and the guarantor]. *Aktual'nye voprosy Rossiiskogo prava = Topical issues of Russian law*, no. 3 (2011): 109–120.

17. Tarasenko Iu. Smert' dolzhnika kak osnovanie prekrashcheniia poruchitel'stva [Death of the debtor as the basis for the termination of suretyship]. *Korporativnyi iurist = Corporate lawyer*, no. 5 (2006).

18. Bevzenko R. S. O vliianii smerti dolzhnika na iuridicheskuiu silu poruchitel'stva [The effect of the death of the debtor on the validity of the guarantee]. *Korporativnyi iurist = Corporate lawyer,* no. 5 (2006).

19. Bevzenko R. S. Smert' dolzhnika i otnosheniia poruchitel'stva: prodolzhenie diskussii [Death of the princioal and the guarantee relationship: the continuation of the discussion]. *Vestnik Vysshego arbitrazhnogo suda Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*, no. 11 (2008): 26–39.

20. Grin' O. S. Poruchitel'stvo: novoe v zakonodatel'nom regulirovanii i pravoprimenenii [Surety: new in legislative regulation and enforcement]. *Sud'ia = The Judge*, no. 9 (2016): 15–19.

21. Informatsionnoe pis′mo Prezidiuma VAS RF ot 20.01.1998 № 28 «Obzor praktiki razresheniia sporov, sviazannykh s primeneniem arbitrazhnymi sudami norm Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii o poruchitel′stve» [Information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 20.01.1998 No. 28 «Review of the practice of resolving disputes related to the application by arbitration courts of the norms of the Civil Code of the Russian Federation on suretyship»]. *Vestnik Vysshego arbitrazhnogo suda Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*, no. 3 (1998).

22. Obzor zakonodatel′stva i sudebnoi praktiki Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii za pervyi kvartal 2008 goda (utv. Postanovleniem Prezidiuma Verkhovnogo Suda RF ot 28.05.2008) [Review of legislation and case law of the Supreme Court of the Russian Federation for the first quarter of 2008 (approved by the Decree of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of May 28, 2008)]. *Biulleten′ Verkhovnogo Suda RF = Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, no. 8 (2008).

23. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 29.05.2012 № 9 «O sudebnoi praktike po delam o nasledovanii» [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 29.05.2012 No. 9 «On Judicial Practice in Inquestions on Inheritance»]. *Biulleten′ Verkhovnogo Suda RF = Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, no. 7 (2012).

24. Novoselova L. A. Kommentarii k informatsionnomu pis'mu Prezidiuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 20.01.1998 № 28 [Commentary to the information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 20.01.1998 No. 28]. *Praktika rassmotreniia kommercheskikh sporov* [A review of commercial disputes]. Eds. Novoselova L. A., Rozhkova M. A. Moscow, Iss. 3 (2008): 179–184.